

Рядом
с интересным
собеседником

С МЫСЛЬЮ О ГЕРОЕ ДНЯ

Я помню, как в давнем уже телефильме впервые увидела Николая Волкова в роли человека, так казалось, знакомого. Это был Лопухов из романа Н. Чернышевского «Что делать?». И он перевернул во мне все, все мои прежние представления об этом герое. Актер говорил мне больше этих моих представлений, потому что говорил новое, неожиданное для меня. И убеждал — силой своего художественного воображения, индивидуальностью своего таланта.

Когда теперь при встрече я сказала актеру об этом, он просто ответил: «Да, это была хорошая роль», — вложив в это слово многозначность, исключаящую подробные объяснения. Что ж, зато это явилось поводом для его дальнейших рассуждений о месте актера в современном театральном процессе, о роли его в формировании духовной культуры общества.

Думается, мысли его будут интересны горьковским театралам, и не только тем, кто прислал в редакцию просьбы рассказать со страниц газеты о творчестве некоторых актеров Московского театра на Малой Бронной, заканчивающего сегодня гастроли в нашем городе. Среди них — заслуженный артист РСФСР Николай Николаевич Волков.

— Знаете, мне, как представителю «актерского цеха», бывает, конечно же, обидно слышать упреки вроде таких: «Актер ныне недостаточен как личность, он утрачивает многое из того, что было у актеров-корифеев русской сцены». Даже если это и так, то подобные упреки не во всем справедливы. Ведь театральные процессы, театральные организмы существуют не сами по себе, а в теснейшей взаимосвязи. Пусть поймут меня правильно, но у великих Качалова, Орленева, Остужева были великие современные им драматурги! Состояние же сегодняшнего репертуара, мне кажется, не может удовлетворить ни театры, ни зрителей. Если не побояться определений, то это удручающая картина.

Мы играем пьесы не сценичные, трудно преодолимые для любых, самых талантливых, режиссерских, актерских средств и приспособлений. Большинство современных пьес неинтересно по смыслу и маловыразительно. И доразвить, облагородить их на сцене чаще всего не удается.

— В чем же Вы, актер, видите выход из положения?

— В сложившейся ситуации — в классике. Конечно, мы не теряем надежды, что по-настоящему современный герой появится в нашей драматургии. Не такой, который сейчас заочевал из пьесы в пьесу, который не внушает никакого оптимизма, — а человек не может без этого!

В отличие от других актеров я не мечтал играть Гамлета. Эта замечательная роль, этот образ — среди других солнц, озаряющих целые культурно-общественные эпохи. Гамлет, Дон Кихот, князь Мышкин... Конечно, для каждого актера великое счастье сыграть их, но, тем не менее, когда их играешь, ты понимаешь, что это некая трансформация, перенесение из прошлого в сегодняшний день, сколь бы современно они ни звучали. А вот сыграть бы роль своего современника, такой же емкости, духовной мощи и полноты!..

— А как Вы воспринимаете Платона Кречета, сыгранного Вами, на мой взгляд, с очень точным ощущением эпохи 30-х годов, ее настроений? И пьеса Александра Корнейчука, и ее герой считаются советской классикой.

— Платон Кречет тоже ведь не современник моего поколения! В нашем спектакле, в трактовке образа главная героиня — тоже некая ретроспекция. Режиссер Анатолий Васильевич Эфрос ставил спектакль-воспоминание о днях, когда всеобщее и радостно переживались наступившие революционные перемены, когда ожидалось еще более замечательное будущее. И вот из сегодняшнего дня мы как бы говорим: не так скоро и не так легко даются в руки мечты, казавшиеся тогда близко осуществимыми.

Понятие «современно», на мой взгляд, заключается для любого художника в том, чтобы определиться в каком-то конкретном выражении сегодняшнего дня, «рассортировав» его многосложность.

К нашей сегодняшней жизни мы поставлены совсем близко, мы сами ее творцы и участники. А она состоит из величайших дел, но и «из мельчайших частиц», которые и обывляют сознание. Поэтому, наверное, бывает трудно определиться в вопросе, кого называть героем дня, и появляются тут всякие «антигерои». Когда драматурги видят в дне сегодняшнем только плохое (а оно сопутствует жизни во все времена, и у нас, действительно, есть много такого, что нас угнетает!), когда заговаривают о необходимости для человека разумного оптимизма, поддержки, хочется сказать им: «Зачем заставлять нас ходить, долу глаза опустив? Разве мы не имеем права быть удовлетворенными? Гордыми?». Да, мы живем в век сложный, трудный, жесткий, но хочется надеяться, что понятия «красота», «искусство», «гуманизм» не исчезнут. Без

этого человек не может существовать.

А что касается героя времени, то он, по-моему, во все эпохи был только отчасти из самой жизни, а отчасти — воображаемый, желанный, подсказываемый нам. Поэтому-то столь ответственна миссия художника!

— И все же, Николай Николаевич, как бы конкретно Вы определили зависимость «драматург — театр»?

— Максимум эффекта от того, что хотел выразить драматург, зависит от актеров! Но и мы, конечно, зависим от того фундамента для театра, который есть драматургия.

— И на какую сторону этого фундамента опираетесь Вы, к своей теме?

— Более всего мне чуждо уныние (хотя это может прозвучать немного смешно в моих устах!). Более всего мне неприятно в других людях равнодушие. Особенно бедны и ограничены, на мой взгляд, откровенно пошлы те, кто равнодушен «от знания», мол, я все усвоил, стал игроком в жизни и с одинаковой уверенностью шагаю по ней. К сожалению, это проявляется у многих молодых.

И вот обратный пример, имеющий непосредственное отношение к теме. Недавно на Рижской студии я снимался вместе с прекрасным актером и обаятельнейшим человеком Леонидом Леонидовичем Оболенским. Ему за восемьдесят, он прожил не ласковую жизнь, и тем не менее все шлюзы его души открыты для восприятия жизни, человека. Он не перестает удивляться и радоваться! Я вообще обожаю стариков — они для меня пример оптимизма и душевной стойкости.

Вот моя тема. Важно сосредоточиться на главном, мобилизовать себя на то, что жизнь значительно сложнее, чем хотелось бы думать.

— Вы сыграли Отелло, Дон Жуана. Совпало ли это с Вашими творческими устремлениями? И что хотелось бы сыграть?

— Дон Жуан был — творчески — по сердцу. Через историю человека, разочарованного, ищущего доказательств, что жизнь уродлива, мне — парадоксальным таким путем — удалось вроде доказать противоположное. Отелло я не любил играть, так как не видел для себя повода высказаться. Я не понимаю этого человека, не понимаю, почему должен представлять его хорошим, и как связать его с нашими днями. А то, как я представлял себе этого шекспировского героя, не устраивало режиссера. Больше всего удовольствия доставляет «Женитьба» Гоголя. Спектакль идет давно, но в роли Подколесина постоянно вижу новое — то одно заинтересует, то другое. Будто и мало в партитуре ее нот, но емкость какая! Великое создание. Как и сам Гоголь, конечно, велик.

А сыграть хочется своего современника. Современного Дон Кихота, например. Или, скажем, такого героя, как у Маркеса в «Осени патриарха».

— Николай Николаевич, Вы из детства, как говорится, прямоком пошли в актерскую? Ведь Вы из актерской семьи. Вашего отца мы все хорошо знаем по многим фильмам, особенно запомнился «Старик Хоттабыч».

— Нет, не совсем прямоком, хоть из актерской семьи. Проявил способности к рисованию и учился в Одесском художественном училище. Но гены взяли свое: после Щукинского театрального училища все последующие годы служу сцене, в театре на Малой Бронной.

— А как живопись? Удастся ли позаниматься ею хотя бы изредка?

— Больше тоскую по ней, чем занимаюсь! И потом, если бы я этому не учился, то, возможно, удовлетворился бы дилетантским уровнем и писал, писал. А так ведь понимаю, что добиться чего-то всерьез в живописи можно, только отодвинув на задний план все другое.

Беседу вела

Г. СЕЛИВЕРСТОВА.

Фото В. ШОХИНА.